

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В ПРАКТИКЕ¹

А.В. Брушлинский (Москва)

В повседневной практической жизни (деятельности и т.д.) людей необходимо возникают и ее обуславливают обобщения разных типов и уровней: житейские эмпирические представления, мифы, религия, научные теории и т.д. Это характерно как для предыстории и истории человечества, так и для индивидуального развития каждого человека. В частности, в процессе исторического и индивидуального развития людей сначала возникает простейшее, непосредственно практическое мышление. Например, человек решает встающие перед ним задачи первоначально в ходе элементарной практической деятельности. Впоследствии на качественно новых этапах эволюции из нее выделяется деятельность теоретическая (соответственно теоретическое мышление). Так, первобытные люди вначале научились практически (шагами и т.д.) измерять земельные участки, и только потом на основе знаний, формирующихся в ходе такой примитивной (дотеоретической) практики, постепенно возникала и развивалась геометрия как особая теоретическая наука. В итоге практическая и теоретическая деятельность неразрывно взаимосвязаны – особенно в наше время (в деятельности учителей, врачей, организаторов производства, государственных деятелей, военачальников и т.д.).

Можно выделить два крайних типа органической взаимосвязи практики и теории (научной): 1) от практики к теории; 2) от теории к практике. В первом случае сама повседневная жизнь властно требует систематически осуществлять необходимые действия по общению, воспитанию, лечению и т.д. людей, по организации общества, охоты, земледелия и т.д. Все это более или менее успешно делалось людьми уже в доисторическую эпоху еще до всякой науки и научной теории. Во втором случае, напротив, только в результате и на основе научной теории можно было широко использовать ее выдающиеся достижения непосредственно в общественной практике. Пример, только в XX в. по мере возникновения и развития ядерной физики (теоретико-экспериментальной) создавалась ядерная техника, которая внесла эпохальные изменения в жизнь всего человечества. В свою очередь, ядерная физика стала возможной лишь благодаря успехам предшествующей науки.

Взаимосвязь теории, эксперимента и практики составляет огромное преимущество науки и вместе с тем одну из ее «вечных» проблем, выступающих по-новому на каждом этапе исторического развития че-

¹ Статья была опубликована в № 10 за 1999 г.

ловечества и, прежде всего, научного познания. Все эти три важнейших компонента последнего все более дифференцируются и вместе с тем интегрируются в единой системе познавательной и непосредственно практической деятельности субъекта. Таков один из примеров общего «механизма» развития – дифференциации через интеграцию (ср. анализ через синтез). Указанные компоненты науки представляют собой различные уровни или виды активности индивидуального и группового субъекта (того или иного ученого, определенного научного сообщества, всего человечества в целом). Именно эта их субъектность и является исходным основанием органического, системного единства теории, эксперимента и практики. Организатор и первый директор Института психологии АН СССР (ныне РАН) Б.Ф. Ломов справедливо полагал, что только такое единство должно определять всю научную деятельность академических психологов, призванных осуществлять главным образом фундаментальные исследования. Мы стремимся поддерживать и развивать дальше эту перспективную традицию. Она конкретизирует старую, очень важную и как будто бы общепризнанную идею о том, что нет ничего практичнее хорошей теории.

На протяжении последних лет в нашей стране в условиях обретенной, наконец, свободы научного творчества и, несмотря на огромные трудности, связанные с сокращающимся бюджетным финансированием науки, энергично развиваются новые отрасли психологической теории, экспериментатики и практики: психотерапия, психодиагностика; экономическая, экологическая, политическая, историческая, юридическая, виртуальная и т.д. психология. Почти все сферы общественной практики (промышленность, образование, здравоохранение, бизнес, управление, психологическое консультирование и т.д.) получают теперь в той или иной степени психологическое обеспечение. Постепенно удастся повышать пока еще невысокий уровень психологической грамотности населения. Во всех этих случаях особенно важно укреплять единство теории, эксперимента и практики.

Психология относится к числу тех наук, которые фундаментально обосновывают необходимость и плодотворность такого единства. Это обоснование дает, прежде всего, психологическая теория деятельности, систематически разработанная С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, а потом и многими другими специалистами. Указанная теория раскрывает важнейшую особенность субъекта: люди и их психика формируются и развиваются, прежде всего, в ходе изначально практической деятельности, а потому объективно могут быть исследованы через проявления в такой деятельности. Мы познаем действительность (людей, предметы и т.д.), *воздействуя* на нее, преобразуя ее в процессе деятельности. Например, соучаствуя в обучении, воспитании, самовоспитании людей, мы тем самым познаем их (обучая изучаем и изучая обучаем). Отсюда и возник, в частности, так называемый формирующий эксперимент.

Таким образом, именно теория деятельности (изначально практической, затем также и теоретической, но в принципе единой) раскрывает и утверждает органическое единство теории, эксперимента и практики. Более конкретно это сделано и в отношении того главного «инструмента», с помощью которого люди познают действительность (преобразуя ее), т.е. в отношении самого мышления. Известные работы С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова и др., продолженные теперь, в частности, Ю.К. Корниловым, А.В. Карповым и другими ярославскими психологами, убедительно показали, что нет пропасти между практическим интеллектом и теоретическим мышлением. Любое мышление неразрывно связано с практикой – непосредственно в первом случае и опосредствованно во втором. Этот принцип единого интеллекта, разрабатываемый сейчас Д.Н. Завалишиной и др., означает, что при всей специфичности различных видов и уровней мышления (у ученых, мастеров, рабочих и т.д.) сохраняются единые общие закономерности мыслительной деятельности. Это подтверждается и многочисленными исследованиями повседневного мышления (*everyday thinking*), представленными в англо-американской научной литературе.

Соответственно решается более общий вопрос о соотношении фундаментальной и прикладной наук. Вторая из них не просто лишь «прикладывает», реализует те закономерности, которые уже открыты в академических исследованиях; она *продолжает* научное исследование объекта в более конкретных условиях. Посредством анализа через синтез в процессе любого мышления познающий субъект оперирует только познаваемым объектом, а не самими по себе словами, понятиями, знаками, значениями, смыслами и т.д. (в этих словах, понятиях и т.д. выражается, фиксируется все глубже раскрываемое содержание объекта). Тем самым определяется исходная *теоретическая* основа для правильного понимания взаимосвязей между теорией и практикой, для ликвидации разрыва между теоретическим и практическим интеллектом, между фундаментальными исследованиями и прикладными разработками. Поскольку даже в ходе предельно абстрактного мышления люди уже изначально оперируют *объектом*, оно тем самым всегда и сразу имеет «выход» к реальной *действительности* и потому всегда существенно также и для прикладной науки. Это относится и к любому моделированию: модель не замещает, не «отодвигает» познаваемый объект, а помогает выделять его существенные свойства и взаимосвязи.

Следовательно, и переход от общей психологии к специальным областям психологической науки (к психологии труда, инженерной психологии и т.д.) осуществляется по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Это значит, что не существует двух *обособленных* и рядоположных закономерностей, относящихся соответственно к общей психологии и к ее специальным отраслям. Например, нет такой рядоположности между законами мышления, раскрываемыми

общей психологией, и законами, скажем, оперативного мышления, изучаемыми инженерной психологией и т.д. На самом деле, в первом из указанных двух случаев изучаются наиболее существенные и общие свойства и отношения, фиксируемые в абстрактных определениях, в «чистом» виде, а во втором случае эти абстрактные определения вводятся во все более конкретные условия, соответственно видоизменяясь и получая новую специализированную форму проявления. А потому именно в ходе проведения так называемых прикладных исследований удастся осуществить *наиболее конкретное* изучение того или иного явления, процесса, предмета и т.д.

Например, известные исследования Н.Д. Заваловой, Б.Ф. Ломова и В.А. Пономаренко в области авиационной психологии глубоко раскрыли взаимосвязи между инструментальной и неинструментальной информацией в процессе формирования у летчиков психического образа полета. Тем самым, были непосредственно подтверждены, продолжены и развиты существенные достижения общей психологии, выявляющие соответствующие различия и взаимосвязи между субъектно-деятельностным и знаково-речевым (инструментальным) подходами ко всем психологическим проблемам. Точно так же недавно опубликованная под редакцией В.Д. Шадрикова «Рабочая концепция одаренности» (М., 1998), разработанная группой московских психологов в рамках Президентской программы «Дети России», развивает и конкретизирует психолого-педагогические закономерности одаренности, наиболее существенные для ребенка.

Следовательно, во всех этих и подобных случаях не просто *реализуются* «до того» уже полностью известные закономерности, а, напротив, продолжается изучение последних во все более конкретных жизненных ситуациях. Тем самым подтверждаются и обогащаются результаты экспериментальных исследований мышления как непрерывного *процесса* (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский и их сотрудники), согласно которым такой процесс не разделяется на два четко отделенных друг от друга этапа: 1) формирование замысла решения, инсайт и т.д.; 2) последующая *реализация* такого замысла. В действительности, как показали эти эксперименты, само формирование замысла *продолжается* в ходе его реализации и через его реализацию, т.е. столь резкого деления процесса на две стадии не бывает.

Некоторые психологи, считающие правомерным такое разделение надвое мыслительного процесса решения задачи, полагают даже, что первый этап решения относится к творческому мышлению, а второй – к репродуктивному (ср. с фундаментальной и прикладной науками). Но, на мой взгляд, такое «рассечение» мышления на творческое и репродуктивное не подтверждается экспериментальными данными. Ближе к истине другая точка зрения: любое мышление у любого человека всегда хотя бы в минимальной степени является самостоятель-

ным, открывающим нечто существенно новое. А потому творческое и продуктивное мышление – это тавтология (типа «красивая красавица»), а репродуктивное мышление – это противоречие в определении (типа «жареный лед»). С такой точки зрения ясно, что представленная здесь позиция относительно фундаментальной и прикладной наук получает дополнительное подтверждение от психологического исследования самой сущности мыслительного процесса.

Таким образом, фундаментальная наука (теория, эксперимент и т.д.) всегда в той или иной мере неразрывно связана с практикой, вообще с жизнью, а практика в современном обществе необходимо (хотя бы в минимальной степени) связана с теорией.

Например, психологические теории личности создаются, прежде всего, в процессе и на основе психотерапевтической практики (скажем, теория К. Роджерса).

Вместе с тем в своей повседневной жизни огромная часть населения, по крайней мере, цивилизованных стран, не занимаясь профессионально наукой, тем не менее учитывает и как-то использует определенные научные достижения. Ярким примером могут служить *социальные представления* больших масс людей, глубоко изученные Сержем Московичи, его учениками и последователями. Согласно С. Московичи, социальные представления – это общественное обыденное сознание, в котором очень сложно взаимодействуют на уровне здравого смысла различные убеждения (отчасти иррациональные), идеологические взгляды, знания, собственно наука, раскрывающие и во многом составляющие социальную реальность. Особенно важно социальное происхождение таких представлений, убежденность в их справедливости и их принудительный (для индивида) характер. Наука не вытесняет эти обыденные убеждения, а они, в свою очередь, не обособляются от нее. Напротив, научные представления и здравый смысл в той или иной мере трансформируются друг в друга. Таковы, например, социальные представления о городе, о здоровье, о болезни, человеческом теле, о женщине и детстве и т.д., тщательно изученные школой С. Московичи. Сейчас некоторые из социальных представлений исследуются на российской выборке К.А. Абульхановой-Славской и ее сотрудниками. Тем самым осуществляется кросс-культурное исследование путем сопоставления западно-европейских и отечественных испытуемых.

Другие кросс-культурные исследования, проведенные, в частности, М. Коулом в Африке, показали, что межкультурные различия среди детей и подростков существенно уменьшаются, если последние освоили в школе основные знания и, прежде всего, хотя бы исходные простейшие понятия (арифметические, лингвистические и т.д.). Это означает, что у всех детей, учившихся в школе, их, казалось бы, чисто практическое мышление уже имеет в своем составе некоторые научные знания, понятия и т.д. А потому и в данном случае какие-то ком-

поненты теоретического мышления проникают в повседневное, практическое мышление уже у школьников – независимо от их последующего образования. Стало быть, когда мы изучаем мышление, например, у рабочих в их трудовой деятельности, мы не можем не учитывать и это существенное обстоятельство. Оно становится еще одним аргументом в пользу признания уже упоминавшегося единого интеллекта, в котором повседневная и заводская практика неразрывно связаны хотя бы с некоторыми элементами понятийного мышления

В заключение необходимо отметить, что единство теории, эксперимента и практики выступает в существенно новом качестве именно теперь, когда наша страна осуществляет очень трудный и затянувшийся переход к рыночной экономике, призванной стать не самоцелью, а средством решения огромных социально-экономических, политических, духовных проблем всего нашего общества и государства. Этот переход предельно осложнен криминализацией и «мафизацией» многих сторон жизни в стране. И для него особенно значимо такое единство науки и общественной практики, поскольку указанные проблемы могут быть разрешены лишь на научно-практической основе. А она, как известно, конкретизируется следующей цепочкой: поисковые исследования (осуществляемые фундаментальной наукой или на ее базе), прикладные разработки, опытно-серийное производство и, наконец, рынок. А потому и встает очень актуальная задача пробудить на этом рынке у покупателей интерес к приобретению научной продукции. Психологи начинают все более успешно решать подобные проблемы. Примером могут служить, в частности, фирма ИМАТОН, обеспечивающая психологическую практику (директор А.Б. Валунов). Академия практической психологии (генеральный директор С.Р. Пантелеев) и т.д. Возрастающее количество практикующих психологов в области промышленности, образования, здравоохранения, политики, управления и т.д. – яркое свидетельство развития новых форм единения науки и общественной практики.